

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО И ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В БЕЛАРУСИ (1921-1939 ГГ.).

И.И. Янушевич

В статье исследуется государственная политика по отношению к Православной церкви на территории Беларуси в период с 1917 г. по 1939 г. Несмотря на то, что западная и восточная части нашей республики входили в состав враждующих стран, их отношение к православию было во многом схожим. И советское, и польское руководство стремились максимально ограничить деятельность Православной церкви. Стратегической задачей было полное ее уничтожение. В рассматриваемый период шел процесс отъема собственности, разрушения организационной структуры, минимизации миссионерской работы.

Проживание одного народа на своей этнической территории в составе разных государств никогда не проходило без потерь для духовно-нравственного и социально-экономического развития. Правительства в первую очередь реагируют на потребности больших социальных групп в ущерб национальным меньшинствам. Не избежала подобной участи и Беларусь. Особенно это касалось такого важного вопроса как положение Православной церкви. Если восточный наш сосед всячески поддерживал православие, то западный, в том числе и в составе ВКЛ, по меньшей мере старался всячески ограничить влияние и деятельность Церкви. Но был в нашей истории и период, когда разорванная на две части страна, а с ней и Православная церковь испытывали на себе в чем-то схожую политику советского и польского правительств. Попытку сравнительной характеристики действий властей враждебных друг другу государств по отношению к РПЦ предпримем в данной статье.

Проблемы государственно-церковных отношений данного периода достаточно активно исследовались советскими, белорусскими и польскими учеными. Многие аспекты рассмотрены на очень высоком уровне. Особенно, что касается работ Я. Мараша [1], А. Мартоса [2], В. Новицкого [3], Ф. Кривоноса [4], Т. Процько [5], М. Мруза [6]. Представляется важным и проведение сравнительного анализа ситуации государственно-церковных отношений в обеих частях Беларуси. Несмотря на искусственный разрыв, имевший ограниченные временные рамки, белорусский народ остро ощущал свою общность, нераздельность истории и будущего. Это показали и события Великой Отечественной войны, и стремление к построению суверенного белорусского государства в конце XX-го ст. Следует отметить, что в статье будут рассмотрены и некоторые аспекты событий 1917-1921 гг., т.е. до юридически оформленного раздела территории Беларуси. Это связано с тем, что, несмотря на политическую неопределённость и непредсказуемость развития ситуации, обе стороны в указанный период принимали важные

решения в сфере государственно-церковных отношений. Подписав Рижский мирный договор правительства брали на себя обязательства по соблюдению прав граждан в этно-конфессиональной сфере, хотя на практике мы увидим продолжение политики соответствующей идеологическим установкам правящих режимов. Сравним деятельность государственных и общественных структур по отношению к РПЦ в идеологической и административно-хозяйственной сферах.

Стратегической задачей для властей обоих государств было оторвать население от православия. В Советской России большевики проводили жесткую минимизацию идеологической базы религиозных организаций. Запрещалось преподавание вероучений во всех учебных заведениях. Вводились ограничения в преподавании религиозных дисциплин для граждан старше 18 лет. Вместо веры в Бога усиленно пропагандировался атеизм и вера в материализм. Большевики на практике начали внедрять коммунизм как религию, называя ее религией без «мнимых богов». Начала практиковаться система замены объектов религии объектами революции. Вместо икон ставились портреты вождей большевиков, вместо креста употребляли звезду, вместо церковного песнопения распевали революционные песни. Основным оружием антирелигиозников должна была стать пропаганда материализма, проникнутая идеями воинствующего атеизма. Наиболее действенной формой проведения антирелигиозной работы в агитпропотделах партии считали кружки при фабриках, заводах и учреждениях. Для объединения всех атеистически настроенных сил создавался Союз безбожников (СБ), в котором должна была сконцентрироваться вся антирелигиозная работа. Наладить работу СБ оказалось чрезвычайно сложно. Даже партийные органы не спешили выполнять установки ЦК ВКП(б) в данной области. Реальной, систематической поддержки «безбожникам» на местах практически не оказывали. Антирелигиозная деятельность у ответственных работников популярностью не пользовалась. Численность СБ в БССР к июлю 1928 г. составляла менее 8000 человек [7, л. 15], . Итоги десятилетия антицерковной деятельности стали достаточно неожиданными. По мере того как духовенство освобождалось от всего того, что составляло его внешнее благополучие, могущество церкви прирастало духовно в сердцах и умах. Откровенные гонения на Церковь, в глазах населения, недовольного политикой руководства страны, только увеличивали ее авторитет, создавая ореол мученичества, столь почитаемый в христианстве. В то же время революция породила достаточно сильное атеистическое движение, не с лучшей стороны повлиявшее на духовно-нравственное состояние общества.

Споры о формах антирелигиозной борьбы в конце 1920-х гг. стали неуместны. Непонимание политики партии в самом лучшем случае грозило потерей должности. С 1928 г. в структуре парторганов была введена оплачиваемая ставка антирелигиозника. Партийные, комсомольские организации и иные органы обязывались оказывать Союзу безбожников организационную и материальную помощь. В напряженной

внутриполитической ситуации начала 1930-х гг. антирелигиозная деятельность по отчетным показателям значительно усилилась. Численность Союза воинствующих безбожников (СВБ) в БССР выросла до 217 тыс. членов [8, 89 4 26 л. 12]. Провозглашенная в 1932 г. «безбожная пятилетка», однако, не привела к появлению в республике «религиозной пустыни». К 1937 г. СВБ в БССР «находился в состоянии полного развала» [9, 5407 1 107 л. 6]. Не лучшим образом обстояло дело и с религиозностью. Согласно переписи населения 1937 г. 57 % граждан СССР старше 16 лет отнесли себя к верующим [10, с. 127]. Несмотря на внешне не столь уж радужную ситуацию на антирелигиозном фронте, необходимо констатировать, что безбожием было поражено около половины населения страны. Нет оснований полагать, что все они были материалистами, но в лоно Православной церкви они уже не стремились. Здесь же важно отметить, что большевики изначально всячески поддерживали сектантов, а до 1925 г. и католиков старались не подвергать резким силовым методам воздействия. Безусловно, это содействовало переходу части православных верующих в инославие.

В Западной Беларуси с чуждыми государственной идеологии православной верой и белорусским языком боролись посредством вытеснения их на задворки общественно-политической жизни населения. Для властей естественно самым желательным был вариант перехода в католицизм. Перед Костелом польским правительством ставилась четкая и однозначная задача ополячивания и окатоличивания населения. На эти цели выделялись значительные финансовые средства. Быстрыми темпами увеличивалось количество католических костелов. К примеру, если в 1915 г. в Пинской диоцезии насчитывалось 55 храмов, то в 1935 г. 130 [3, с. 200]. Костел всячески стремился ограничить любую деятельность православных и белорусских организаций. РКЦ выполняла роль идеологического надсмотрщика. Польские ксендзы негативно относились ко всему белорусскому. Даже белорусское католическое движение всячески притеснялось. Ксендзы-белорусы переводились в польские парафии, им не давали возможности нормально работать, некоторых подвергала арестам. Особенно усилилось давление на белорусских католических священнослужителей в связи с деятельностью во второй половине 1930-х гг. Корпуса охраны в приграничных территориях, когда любого «неблагонадежного» ксендза могли выслать в центральные районы. Во многом процесс окатоличивания и ополячивания в Западной Беларуси являлся пропагандистским. Уже по результатам переписи 1921 г. 22 % православных были записаны поляками и полностью исчезли белорусы-католики, которых насчитывалось около миллиона [11, с. 412].

Еще одним фактором религиозной жизни было возобновление деятельности католиков восточного обряда. Выражаясь современным языком группа католических деятелей получила гранд на поддержку прозелитизма среди православных посредством поддержания унии. Ватикан предполагал через униатство привлечь некоторую часть православных на свою сторону. Кампания практически провалилась, несмотря на вложение значительных

средств и сил [2, с. 73]. Властями поддерживалось распространение протестантских течений как реального противовеса православию. Прозелитизм протестантов ускорял процесс ассимиляции белорусского народа. Принятие идеологии «новой веры» означало отказ от своей национальной принадлежности. Миссионерская деятельность различных зарубежных протестантских организаций в принимала широкий размах. Особой активностью отличались пятидесятники. Верующим навязывалась идея богоизбранности США, сатанинского происхождения советской власти и необходимости принятия нового правильного религиозного учения. Миссионерская деятельность пятидесятнической «Ассамблеи Бога» подкреплялась весомыми финансовыми средствами. Почти все их миссионеры являлись штатными сотрудниками американских миссионерских организаций [12, с. 36].

Ни советский, ни польский политический режим не допускали возможности свободного существования в своих государствах структур явно непримиримо выступающих против власти. Их ликвидация входила в планы политического руководства, тех же консервативных католических кругов, но осуществление, как в случае с Православной церковью, было возможно только в отдаленной перспективе, а значит необходимо было нейтрализовать противника, в первую очередь подчинив своей воле руководство оппозиционных структур. Стоит отметить, что польские власти в этом плане сработали достаточно эффективно. Все три руководителя белорусских епархий, выступившие против политики приглашенного для управления православными Польши архиепископа Георгия (Ярошевский), были изолированы. После убийства уже митрополита Георгия Варшавскую кафедру возглавил архиепископ Дионисий (Валединский), назначивший на кафедры епископов не имеющих возможности оказывать сопротивление планам польского руководства. Под давлением властей в 1922 г. была объявлена автокефалия Церкви, создавались условия для полного подчинения православных клириков установкам политического руководства. Несогласные с проводимыми мероприятиями иерархи и священнослужители отстранялись от работы, подвергались арестам, высылались в центральные районы. Многие вынуждены были покинуть страну. Например настоятель Жировичского Свято-Успенского монастыря архимандрит Тихон (Шарапов) был арестован и выслан в 1924 г. в Германию. Очень эмоционально изложил состояние дел в своем обращении к митрополиту Дионисию на Соборе варшавский клирик Т. Теодорович. Он утверждал, что православные церковные деятели сами довели ситуацию до крайности идя на всяческие уступки властям: «Мы готовы на всякие уступки в своей традиционной церковности... Новый стиль? Пожалуйста! Автокефалия без всяких прав, без согласия церковного народа и своей Матери-Церкви? Готовы... Только бы свое положение, свои привилегии, удобства, власть сохранить... Если бы иерархия при принятии этих важных вопросов привлекала к участию в разрешении духовенство и народ – этого бы, конечно, не было» [13, с. 131]

В СССР подобного безропотного подчинения властям не удалось добиться и в 1943 г., и в дальнейшем. Большевикам пришлось столкнуться с непонятной им жертвенностью и преданностью Церкви сотен тысяч священнослужителей и мирян. Подавление сопротивления проводилось посредством изоляции и уничтожения несогласных и путем передачи власти лояльному духовенству. В 1920-е гг. точечные аресты хотя и затрудняли процесс управления церковной жизнью, но не были критичны. Большинство приговоров духовенству выносилось на сроки 3 или 5 лет высылки в Севкрай или заключения в концлагеря. С 1929 г. ситуация коренным образом изменилась. Перед органами внутренних дел ставилась задача сломить любое сопротивление осуществляемым в стране мероприятиям. В одном только 1930 г. в БССР было арестовано 93 «церковника». 25 из них расстреляны, а 68 отправлены в лагеря [5, с. 300]. Самыми кровавыми были 1929-1933, 1935 и 1937 гг. В 1937 г. – первой половине 1938 г. в БССР было арестовано «свыше 400 человек попов и монахов, 1 митрополит и 5 архиепископов [7 4п 1 13219 л. 57]. В целом по БССР к началу Великой Отечественной войны, скорее всего, к сожалению, по приблизительным данным, погибли в лагерях или были расстреляны около 2000 клириков [3, с. 179].

Польские власти не могли себе позволить подобного варварского истребления граждан, да тогда еще и не представляли масштабов репрессий в СССР. Однако в иезуитской изобретательности им никак не откажешь. Для воздействия на оппонентов в 1934 г. в Берёзе-Картузской был создан концентрационный лагерь, называемый «креативным» руководством «самым спортивным». В нем запрещалось ходить пешком, только бегом, ползать по грязи и «красным» дорожкам с битыми кирпичом и стеклом, во время сна переворачиваться по команде каждые полчаса. Применялись и иные способы надругательства над человеческим достоинством, чтобы на самом деле заключенные соответствовали применяемому к ним термину «быдло». Именно туда направлялись священнослужители и миряне «высказавшие особое недовольство по поводу несправедливого отношения к Православию в Польше» [4, с. 90]. В целом изучая материалы по государственно-церковным отношениям складывается впечатление, что у части политического руководства Польши и доминирующей религиозной организации взгляд на существование Православной церкви были далеко не тождественны. Светские власти с учетом внутри- и внешнеполитической ситуации, международных тенденций в сфере свободы совести и здравого смысла видели в православных организациях инструмент сдерживания претензий властей духовных на управление механизмом принятия важнейших политических решений.

Отъем собственности у Православной церкви был выгоден новым властям и с точки зрения ограничения возможностей православных организаций, и с точки зрения добычи средств на собственные нужды. Большевиками уничтожение экономического потенциала РПЦ началось сразу же в 1917 г. Польские власти, особенно на местах старались все имущество забирать с установлением контроля над территорией, для

дальнейшего рассмотрения ее принадлежности в соответствии с собственным видением вопроса. Декретом СНК «О земле» Церковь лишалась всех «монастырских, церковных угодий со всем их живым и мертвым инвентарем, постройками и принадлежностями» [14, с. 13]. Декрет от 23 января 1918г., «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» вводил максимальное ограничение деятельности церкви и религиозных общин. Пункт 12 Декрета гласил: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют», а пункт 13: «Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием» [15, с. 30]. Конфискации подлежали ценные вещи непосредственно не предназначенные для богослужения. Были закрыты банковские счета религиозных ассоциаций. Летом 1920 г. под лозунгом учета и хранения религиозного имущества, имеющего историческое, художественное и археологическое значение, проводился дальнейший отъем церковной собственности. Под предлогом организации помощи голодающим в первой половине 1922 г. было проведено практически полное ограбление храмов.

Духовенство постоянно подвергалось всевозможным ущемлениям семейно-бытового характера. Дети священников не могли получить образование выше начального, а за обучение вынуждены были платить непомерно высокий налог. Священнослужители, как «нетрудовой элемент», наделялись жилплощадью в последнюю очередь. Оплату за проживание жилотдел снимал с них по высшему тарифу. Жилищные условия духовенства были чрезвычайно плохи. Даже митрополит Минский и Белорусский Мелхиседек проживал в комнатке площадью 3 кв. сажени [16, л. 73]. Материальное положение православного духовенства было критическим. Митрополит Мелхиседек не платил налоги в связи с тем, что его доход был ниже минимальной налогооблагаемой планки. В графе «имущество» при его высылке в Сибирь было записано: «Отсутствует». Практически таким же было положение у всех священников. Они не могли быть даже членами потребительских обществ.

В 1927 г. Госстрах резко увеличил страховой взнос, особенно в отношении богослужебных зданий. В дополнение к этому местные органы пытались обложить храмы налогами всех видов. Увеличивалась рента земли, налог с ремонта, с содержания имущества, с продаж предметов культа, возросло число косвенных налогов. Размер налогообложения не должен был превышать 0,5% от рыночной стоимости богослужебного здания. Реально за храмы платили в пять, десять раз больше определенного законодательством. На недопустимость подобных перегибов, особенно в 1930 г., неоднократно указывала Постоянная комиссия при Президиуме ВЦИК по делам культов, однако органы государственного управления на местах всячески стремились ущемить религиозные организации в том числе и в силу пробелов в законодательстве [9, 5263 1 1 л 1-10].

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929г. «О религиозных объединениях» Церковь практически полностью лишалась

возможности организовывать свою хозяйственную деятельность. Духовенство было поставлено в прямую зависимость от приношений верующих в условиях катастрофического ухудшения экономического положения граждан, «раскулачивания» и изоляции «контрреволюционных» элементов. Религиозные организации не имели права организовывать центральные кассы для сбора добровольных пожертвований, устанавливать обязательные сборы и заключать контрактные соглашения. Запрещалась всякая благотворительная деятельность, даже по отношению к священнослужителям и их семьям. Договоры по ремонту могли заключать только выборные представители общин как частные лица, а поэтому подобные сделки как коммерческие облагались непомерными налогами. Начавшаяся в 1929 г. борьба с частными предприятиями, к которым были отнесены священнослужители и приходы как «доходные места», привела к непомерному росту различного рода налогов и займов. Довершало процесс грабежа Церкви изъятие колоколов. Основные успехи антирелигиозников были в деле закрытия храмов. С лета 1927 г. под различными благовидными предложениями регистрация и перерегистрация общин откладывалось на неопределенный срок. К началу 1929 г. действовало 1013 православных храма. За 1930 г. было закрыто 573 церкви, в начале 1937 г. осталось только 74, в июле 1938 г. 2 храма, а к 1940-м гг. в БССР не осталось ни одного постоянно действующего культового сооружения [7, 4п 1 1035, л. 78, 4п. 1. 13219 л. 56].

К 1938 г. польские власти переймут опыт борьбы с православными путем варварского разрушения храмов [15], а в 1919 г. процесс быстрого отъема зданий и имущества в целом с пропагандистской точки зрения был не выгоден польскому правительству. Окончание войны еще не просматривалось. Перспектива закрепления на белорусских и украинских землях во многом зависела и от реакции местного населения. В противовес Советской России, где «жидовствующая власть» всячески унижала и уничтожала православие польское правительство старалось декларировать демократический способ реализации государственной конфессиональной политики. Ю. Пилсудский при своем посещении Минска, несмотря на большую загруженность, нашел время для встречи с епископом Мелхиседеком. Однако на местах на практике процесс отъема зданий проходил достаточно агрессивно. Польская Республика как правопреемница правительства России приняла в свое распоряжение всю движимую и недвижимую церковную собственность, а значит и имела все права на ее дальнейшее распределение [6, с. 188]. Польские власти в 1919-1921-м гг. внешне стремились ограничить незаконные и насильственные отъемы храмов. Ужасающим случаем является расправа над православным священнослужителем из г. Лида Иосифом Кояловичем, братом известного историка Церкви, доктора богословия Михаила Кояловича. Пережив кайзеровскую оккупацию и большевицкую атаку в апреле 1919 г. при попустительстве польских властей он был смертельно избит при самовольном захвате храма местными католиками во время совершения

Божественной Литургии на третий день Пасхи Христовой [18]. В советской России священнослужителей в этот период закапывали живыми, насиловали и расстреливали способом «бутерброда» целыми семьями, вешали за бороды, в то время как в Лиде ограничились только поджогом бороды избитого 84-летнего пастыря.

12 октября 1919 г. вышел декрет Генерального комиссара о передаче православных церквей, бывших ранее католическими и униатскими храмами, Католической церкви. «При этом передача должна была происходить исключительно по решению начальника округа, а виновные в самовольном занятии святынь подлежали денежному штрафу или месяцу ареста» [19, с. 239]. На практике решения принимались старостами или городскими комиссарами под давлением католиков. Этим же распоряжением устанавливалось, что передаче подлежат 497 православных храмов [5, с. 50]. После подписания Рижского мирного договора и разрыва Беларуси на части около 3 миллионов населения православного исповедания вошли в состав Польской Республики. Согласно договору, «Польша предоставляла лицам русской, украинской и белорусской национальностей находящимся в Польше на основании равноправия национальностей все права, обеспечивающие развитие культуры, языка и религиозных обрядов» [20, с. 35]. Конституция от 17 марта 1921 г. в ряде статей определяла права и возможности развития национальных меньшинств. Согласно статей 110-116 она провозглашала всем жителям Польши без различий в религии, национальности, цвете кожи, языке «всецелую охрану и свободное исполнение религиозных культов, равенство гражданских и политических прав» [21, с. 444]. Правда в статье 114 имелось указание на то, что католицизм является первой среди равных и имеет право руководствоваться своими установлениями. Кроме отъема у православных богослужебных зданий и передаче их иным владельцам, власти часто затягивали вопрос их принадлежности, что приводило к их запустению и разрушению, в то время когда верующие не могли удовлетворить свои религиозные потребности.

Не удалась ни советским, ни польским государственным структурам заставить перейти православных в Беларуси на новый календарь. 12 апреля 1924 г., вслед за Константинопольской патриархией, в Польской церкви был принят новоюлианский календарь. Нововведение активно помогали осуществлять польские чиновники, но многие священники и народ были против календарной реформы. Население всячески сопротивлялось этому. По новому стилю богослужения верующими не посещались. Подобная ситуация имела место и в СССР, и так же безуспешно. «Духовенство отказывалось служить в пустых храмах без хора, чтецов и псаломщика» [22, с. 34]. Назревало недовольство иерархией, которое могло вылиться в более резкие формы протеста. В августе 1924 г. Синод принял решение проявить гибкость – там, где реформа была принята, оставить ее действие, а противящимся разрешить совершать обряды по юлианскому календарю. В некоторых регионах великие и месточтимые праздники так же проводились по старому стилю. И в СССР властями навязывался новый стиль. За его введение

высказалось просоветски настроенная «Живая церковь». Под давлением ОГПУ патриарх Тихон сделал вид, что РПЦ перейдет на новый календарь, даже было разослано соответствующее послание, но окончательное решение было принято только с наступлением рождественского поста и передвижение на 14 дней годового круга богослужений уже было невозможно. В дальнейшем вопрос дискутировался, но не заострялся.

Таким образом, проведенное исследование показало, что Православная церковь в Беларуси в период с 1917 г. по 1939 г. подвергалась постоянному давлению со стороны правящих режимов. Власти всячески стремились ограничить возможности миссионерской деятельности, в отличие от атеистов и инославных. В обеих странах причисление себя к православию являлось актом мужества, потому что минимальным было наказание семейно-бытового плана. Принятие сана в советском государстве практически было равнозначно мученичеству, а в Польше потере национальности. Властями грубо нарушались конституционные права граждан в сфере свободы совести. Безусловно, государство в праве выбирать для сотрудничества те или иные организации соответствующие реализуемой внутренней политике, но в обеих частях Беларуси реализовывалась модель государственно-церковных отношений при которой исторически доминировавшая на данной территории мировоззренческая позиция подвергалась всяческому надруганию, а ее носители унижению и уничтожению. Стоит отметить, что во многих случаях государственные органы, особенно в Польше, предпринимали попытки противостоять наиболее экстремистским силам, стремящимся с максимальной жестокостью и в короткий промежуток времени уничтожить Православную церковь. Между тем и реализуемая конфессиональная политика не носила конструктивный характер, не способствовала ни духовно-нравственному, ни социально-политическому развитию общества. Вместо решения насущных государственных задач, в том числе спланирования, оздоровления общества устраивались «охоты на ведьм», чем не преминули в скором времени воспользоваться внешние силы сначала в Польше, а потом и в СССР.

Литература:

1. Мараш, Я.Н. Политика Ватикана и католической церкви в Западной Белоруссии (1918-1939) / Я.Н.Мараш – Минск: Беларусь, 1983. – 217 с.
2. Мартос, А. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни / А. Мартос. – Буэнос-Айрес, Аргентина. 1966. Репринт: Минск: Белорусский экзархат Русской Православной Церкви, 1990. –237 с.
3. Навіцкі, У. І.Змена канфесіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20-30 - я гг. -га ст. // Канфесіі на Беларусі / В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. –
4. Кривонос, Ф. Белорусская Православная Церковь в XX столетии / Ф. Кривонос. – Минск, Врата, 2008. – 214 с.
5. Протьюко, Т. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917-1941 гг.) / Т. Протьюко. – Минск: Тесей, 2006. – 687 с.

6. Мруз М., Каталіцызм на паграніччы. Адносіны каталіцкай царквы да ўкраінскага і беларускага пытання ў Польшчы ў 1918-1925 г. // М. Мруз. – Мінск, Медысон, 2009. – 300 с.
7. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф.261. – Оп.1. – Д. 1.
8. Российский государственный архив социально-политической истории.
9. Государственный архив Российской Федерации.
10. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. – М.: Вече, Лепта, 2010. – 480 с.
11. Коўкель, І.І. Аб паходжанні тэрміна “Заходняя Беларусь”, яе тэрыторыі, нацыянальным і канфесійным складзе насельніцтва (1921-1939г.) / І.І. Коўкель // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: материалы Международной научной конференции, Гродно, 16–18 ноябр. 1999 г. / Гродн. гос. ун-т, с. редкол.: У.Д. Розенфельд [и др.]. – Гродно, 2000. – С. 407–415.
12. Дьяченко, О.В. Миссионерская деятельность пятидесятнической церкви в Беларуси / О.В. Дьяченко. – Могилев, 1999. – 227 с.
13. Бессонов М.П. Православие в наши дни / М.П. Бессонов. – М.: Политиздат, 1990. – 325 с.
14. Первые декреты Советской власти / Сост. Ю. А. Ахапкин. – М.: Советская Россия, 1979. – 222 с.
15. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М., Изд. Библиейско-Богословского института святого апостола Андрея, 1996. – 328 с.
16. Государственный архив Минской области. – Ф. 48. – Оп. 1. – Д. 40.
17. Болтрык, М. Як разбуралі цэрквы / М. Болтрык. – Мінск: ОРТАПРЭС, 1999. – 34 с.
18. Новогрудские епархиальные ведомости. – № 11. – 2012.
19. Чернякевич, А.Н. Православная церковь на белорусских землях в условиях польской оккупации 1919-1920 гг. / А.Н. Чернякевич // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: сб. научных статей / Гродн. гос. ун-т, редкол.: М.А. Можейко [и др.]. – Гродно, 2000. – С. 238-241.
20. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР. – Минск, Государственное изд. БССР, 1962. – Т.1.
21. Гончаров, Н.Н., Федоров, И.О. Этноконфессиональный аспект политики правящих кругов Польши межвоенного двадцатилетия / Н.Н. Гончаров, И.О. Федоров. Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: материалы Международной научной конференции, Гродно, 16–18 ноябр. 1999 г. / Гродн. гос. ун-т, с. редкол.: У.Д. Розенфельд [и др.]. – Гродно, 2000. – С. 444–448.
22. Костюк, В. История Полесской епархии (1922-1944) / В. Костюк. – Брест, 1999. – 138 с.